Российский Дальний Восток

Влияние иностранной рабочей силы на социально-экономическое развитие Дальнего Востока России (середина XIX—начало XXI вв.)*

© 2013

С. Мищук

В статье анализируется динамика привлечения иностранной рабочей силы на Дальний Восток России с середины XIX в. до начала XXI в. Приводятся результаты сравнительного анализа количественных и качественных показателей влияния трудовых иммигрантов на социально-экономическое развитие рассматриваемой территории в досоветский, советский и постсоветский периоды. Автор характеризует причины привлечения на российский Дальний Восток иностранных работников из сопредельных азиатских стран и их роль в его освоении.

Ключевые слова: Дальний Восток России, миграционная политика, демографическая экспансия, иностранная рабочая сила, корейская миграция, китайская миграция.

Хозяйственное освоение Дальнего Востока России в XIX в. диктовало увеличение потребности в трудовых ресурсах. Для удовлетворения этой потребности проводились политические, экономические и социальные преобразования в стране в целом и в данном регионе. Трудовая иммиграция из сопредельных азиатских стран на российский Дальний Восток (ДВ) с середины XIX в. также характеризовалась значительными масштабами и оказывала существенное влияние на развитие региона.

Анализ деятельности иностранной рабочей силы в дальневосточном регионе России проводился многими авторами, в том числе с точки зрения истории, экономики, геополитики. В исследованиях встречается периодизация привлечения трудовых мигрантов в регион, однако, в большинстве случаев авторы рассматривают либо трудовую иммиграцию из отдельных стран (Китая, Кореи, Японии), либо оценивают временной период с середины XIX в. до конца XX в. Анализ роли иностранной рабочей силы в социально-экономическом развитии Дальнего Востока России на рубеже XX—XIX вв. подробно представлен в работах многих авторов, однако в них не всегда можно увидеть сравнение привлечения трудовых мигрантов на современном этапе и в более ранние периоды.

Мищук Светлана Николаевна, кандидат экономических наук, доцент Института комплексного анализа региональных проблем ДВО РАН, г. Биробиджан. E-mail: svetamic79@mail.ru.

* Работа подготовлена в рамках выполнения совместного проекта фундаментальных исследований 12-С-7–1007 «Факторы и механизмы акселерации социально-экономического развития регионов России» и гранта РГНФ 11–12–79003а/Т.

В рамках проведенного нами исследования дан сравнительный анализ роли иностранных рабочих (китайцев, корейцев, японцев) в развитии Дальнего Востока России с 1860-х гг. по 2010 г. Весь процесс мы рассматриваем в рамках трех периодов — досоветский (1858 г. — конец 1920-х гг.), советский (конец 1920-х гг. — 1991 г.), постсоветский (1991 г. — по настоящее время).

Досоветский период

Подписанием Айгуньского (1858 г.) и Пекинского (1880 г.) договоров Россия закрепила за собой территории Дальнего Востока России (Приамурье и Приморье). Практически с этого момента можно говорить о колонизации русскими Дальнего Востока России. В этот период противостояли два взгляда на национальную принадлежность территорий Дальнего Востока. Китайская сторона высказывала мнение об аннексии исконно китайских земель. С точки зрения российских ученых, ни рассматриваемые земли, ни их население не входили в традиционные пределы Китайской империи. До освоения русскими данные земли не принадлежали ни одной из сторон[1].

Ко времени подписания вышеназванных договоров на территории Приамурья находилось коренное население разного этнического происхождения, в том числе и китайцы. Говорить о полном отсутствии здесь ранее китайцев, на наш взгляд, не совсем корректно. Исходя из свидетельств очевидцев, можно сделать вывод, что китайцы активно использовали данную территорию в качестве источника лесных и земельных ресурсов, охотничьих угодий. Подтверждением этому является наличие разветвленной сети троп, которые впоследствии использовались русскими. А.В. Елисеев отмечал, что «манзы еще задолго до прихода русских в бассейн Уссури, протоптали всю тайгу края, добывая жень-шень, соболей, золотой песок и панты. Китаец считает своею русскую часть Манчжурии, и едва ли… могут поколебать это убеждение, когда оно поддерживается внушениями, идущими из Хунчуна, Цицикара и Нингуты»[2].

О.В. Залеская приводит данные о проживании 6300 оседлых и 2–3 тыс. бродячих китайцев (не считая «зазейских маньчжур»)[3]. Переселение русских из Европейской части России шло медленными темпами (в 1861–1881 гг. в Амурскую и Приморскую область прибыло около 17 тыс. переселенцев).

Первая группа китайцев по контракту (150 чел.) была привезена в середине 1870-х гг.[4]

До 1885 г. на Дальнем Востоке на одного русского приходилось 1,43 иностранных подданных (китайцев, корейцев). Однако в результате более интенсивного притока русских переселенцев это соотношение составило 1 к 0,8[5].

Таким образом, до середины 1880-х гг. на Дальнем Востоке России сохранялось численное преимущество иностранцев (китайцев, корейцев), что было обусловлено удаленностью заселенных российских регионов и низкой эффективностью политики переселения на дальневосточные территории. Вместе с тем, с малозаселенными российскими территориями граничили северо-восточные территории Китая с большей плотностью населения.

К 1890 г. во всем Южно-Уссурийском крае насчитывалось до 20 тыс. сельского русского населения, из которых до 5 тыс. относились к староселам и казакам, поселившимся в крае до 1881 г.[6] При этом китайская колонизация северо-восточных окраин Китая шла весьма активно. Развернувшаяся компания по заселению приграничных территорий в первую очередь была обусловлена политическими, геостратегическими, военными мотивами. С 1881 г. началось поселение китайцев между Хунчуном и Нингутой вблизи русской границы. За десять лет Китай создал твердую «операционную и колонизационную базу», которой, по мнению А.В. Елисеева, русские «и в пятьдесят лет самой энергичной колонизации края едва ли смогут противопоставить что-нибудь подобное»[7].

С 1887 по 1895 гг. численность населения Хэйлунцзянской провинции увеличилось с 408 тыс. до 1,5 млн чел. При остром недостатке рабочих рук на русской территории Манчжурия стала поставщиком сюда китайских отходников[8].

В начале XX в. колонизационная политика Китая была не менее интенсивной, чем раньше. Строительство КВЖД стало подарком китайским крестьянами, позволившим резко ускорить процесс колонизации Маньчжурии[9].

В 1907 г. в провинции Хэйлунцзян население насчитывало 1,3 млн чел., в 1914 г. оно достигло 2,4 млн чел.[10]. При этом активно распахивались ранее не используемые земли.

В своем отчете о поездке на Дальний Восток (1890 г.) А.В. Елисеев отмечал, что несмотря на опасения по увеличению китайского элемента недалеко от русской границы, «еще опаснее прочное положение его в самом Южно-Уссурийском крае, где у него в руках вся мелочная торговля, где ему известны все тропы лучше, чем всякому русскому охотнику, где у него чуть не десяток тысяч земляков, владеющих более чем тысячью фанзами, т.е. огромною сетью наблюдательных постов, значение которых трудно парализовать чем-то иным, помимо организации подобной же русской сети фермерских хозяйств. Немудрено поэтому, что даже переселенец наш ощущает возле себя эту силу, которая страшна не столько грубым проявлением своей мощи, сколько экономическим и культурным влиянием»[11].

Китайцы проникали на русскую территорию с целью заработать и вернуться обратно. Как отмечает О.В. Залеская, «китайцы представляли собой поток безработных, авантюристов, охотников за золотом и дарами тайги»[12].

Через 20 лет, к концу 1890-х гг., число постоянно проживающих китайцев в Приморской области насчитывало около 30 тыс.

Вплоть до 1868 г. («мазоновская война») русские власти не проводили оценку китайских мигрантов и не учитывали их присутствие при разработке мероприятий по дальнейшему развитию региона. Имеющиеся данные о числе китайцев и других иностранных подданных были результатом отдельных научных исследований. Начиная с 1876 г. принимается ряд решений о регулировании деятельности китайских подданных на территории Дальнего Востока. Русская администрация оказалась вынужденной заняться проблемой регистрации и учета китайских отходников, которые в стихийном порядке стали прибывать на русские территории. Одним из важных этапов в регламентировании условий проживания и работы китайцев на территории Дальнего Востока стало введение в 1885 г. особых правил. Эти правила применялись русской администрацией в отношении китайских подданных вплоть до начала Первой мировой войны, при отсутствии иммиграционного закона[13].

Уже в 1912 г. в Петербурге владивостокский адвокат С.Д. Меркулов утверждал, что для российского Дальнего Востока большую опасность представляют дешевый китайский труд и дешевый маньчжурский хлеб[14].

Появление рабочих-китайцев в Забайкалье не было заметно до постройки железной дороги, т.е. до 1886–1887 гг. До этого времени здесь были торговцы-китайцы[15]. Китайцы активно привлекались для строительства железной дороги, в золотопромышленности, на лесозаготовках, на кирпичных заводах, рыбной и мукомольной промышленности. Общая численность китайских рабочих в российской золотопромышленности к лету 1900 г. оценивалась в 15 тыс. чел., на строительстве Уссурийской железной дороги — до 13 тыс. чел., в Приморской области было занято порядка 1600 китайцев.

Основной причинной активного привлечения китайских работников в золотодобычу послужил запрет на использование русских в данной отрасли промышленности, который вышел сразу после начала добычи золота в Амурской области (1864 г.). Русское население, согласно данному документу, должно было заниматься земледелием. Часто встречалась практика сдачи золотоносных площадей в аренду китайским предпринимателям[16]. В золотопромышленности края в 1895 г. было занято 15 тыс. рабочих, из кото-

рых русские рабочие составляли 52% от общего числа, в 1915 г. — всего занято 27,5 тыс. с долей русских 14%[17].

Велика была роль китайцев в развитии земледелия на Дальнем Востоке. В конце XIX в. в Уссурийском крае число китайцев, занимающихся земледелием, могло достигать 20 тыс. чел. Китайцы оседали на пригодных для обработки землях незаконно. Выселение китайских крестьян проходило в период с 1880-х по 1907–1908 гг., когда увеличился поток переселенцев из европейских регионов России[18].

В это время появились новые формы сотрудничества русских переселенцев и китайцев — использование наемного китайского труда и сдача русскими земледельцами земли китайцам. Это объяснялось более высокой эффективностью китайского огородничества в сравнении с русским приемами, кроме того, русские крестьяне получали прибыль на разнице между выплачиваемой ими аренды казне или частным лицам в размере 2,5 руб. и суммы, получаемой ими от китайцев за аренду земли (5 руб. 63 коп.)[19].

Сведения о численности китайцев в начале XX в. разнятся. Максимальная численность китайского населения на Дальнем Востоке, рассчитанная на основе средней потребности в продуктах на одного китайца, составила не менее 325 тыс. чел.[20]

Признавая важность труда мигрантов, российское правительство и общественность испытывали опасения относительно возрастающей зависимости отдельных отраслей хозяйства Дальнего Востока от иностранных рабочих. Опасения относились в первую очередь к китайцам, так как они преобладали над корейцами и японцами, численность которых в 1910 г. составила 38 тыс. и 4,3 тыс. чел., соответственно[21].

Корейское переселение в Южно-Уссурийский край началось 60-х гг. XIX в.[22]. До этого времени корейцев на Дальнем Востоке не было, что объяснялось законами в самой Корее, согласно которым корейцам-эмигрантам грозила смертная казнь[23]. Оседание первой группы корейских переселенцев в русских пределах официально зафиксировано 30 декабря 1863 г.

По первой неполной переписи корейского населения в Южно-Уссурийском крае, произведенной Ф.Ф. Буссе, чиновником особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири, на 1 января 1867 г. корейских переселенцев оказалось 185 семей (999 чел.)[24]. Русские власти рассматривали корейцев как дешевую рабочую силу, призванную освоить целинные земли и обеспечить продовольствием край. В конце 1860-х гг. отмечалась массовая иммиграция корейцев, к которой русские власти не были готовы. Переселение корейцев на Дальний Восток носило в большей мере не сезонный характер, а постоянный: корейцы переселялись с семьями и стремились получить русское подданство. К началу 1870-х гг. численность корейцев достигла 10–11 тыс. чел.[25].

В 1886 г. в 18 деревнях Южно-Уссурийского края оседлых корейцев насчитывалось 6663 чел. В связи с массовой русской колонизацией, которая началась фактически только с 1883 г., все чаще на повестку дня вставал «корейский вопрос», или вопрос о целесообразности корейской иммиграции. Корейские иммигранты нанимались главным образом к русским крестьянам в качестве поденщиков на сезонные полевые работы, выполняли неквалифицированный труд на угольных разработках, золотых приисках, строительных работах, рыбопромыслах, лесоразработках и т.д.

Согласно указанию Приамурского генерал-губернатора А.Н. Корфа все корейцы, находившиеся в России, были условно разделены на три категории. К первой были отнесены корейцы, переселившиеся в Россию до заключения русско-корейского договора 1884 г. Им разрешалось остаться в Уссурийском крае, и они должны были быть приняты в русское гражданство. Ко второй категории были отнесены корейцы, переселившиеся в Россию после 1884 г., но желающие принять русское подданство и обязывающиеся исполнять правила, установленные для первой категории. К третьей категории были отнесены корейцы, временно проживающие в Приамурском крае, т.е. не осевшие здесь, а приехавшие на заработки. Они не имели права селиться на государственных землях. Оставаться же в русских пределах они могли только по получении русских билетов на жительство.

В 1900 г. в результате политики Приамурского генерал-губернатора С.М. Духовского и позже его приемника на данном посту Н.И. Гродекова разрешился важный вопрос о подданстве корейцев, переселившихся в Россию. Было решено принять в русское подданство всех корейцев, отнеся их к сословию государственных крестьян, наделить их землей по 50 десятин на семью; привлечь ко всякого рода налогам и сборам и принять меры к скорейшей их ассимиляции. Кроме этого, было признано нежелательным дальнейшее переселение корейцев.

В 1901 г. численность корейцев всего составила 28 500 чел., в том числе русскоподданых — 16163 чел.[26] Принятие части корейцев Приамурского края в подданство России имело своим следствием «растечение», дисперсию новых иммигрантов из Кореи по всему русскому Дальнему Востоку.

Значительный рост иммиграции корейцев в Россию после ее поражения в русско-японской войне вызывал опасения.

Назначенный в 1905 г. Приамурским генерал-губернатором П.Ф. Унтербергер являлся ярым сторонником заселения Приамурья исключительно русским населением и противником «желтой колонизации». Его губернаторство совпало с началом столыпинской аграрной реформы, за время проведения которой численность русских на Дальнем Востоке росла большими объемами и ускоренным темпом[27].

Роль трудовых мигрантов из Японии была наименее существенной в сравнении с Китаем и Кореей. Японцы стали проникать на ДВ значительно позже китайцев и корейцев и в основном концентрировались на Камчатке и Сахалине.

Рабочих-японцев на Дальнем Востоке было сравнительно мало, количество корейских рабочих было сопоставимо с китайскими только до 1908 г., когда были введены особые запреты на приезд корейцев.

Советский период

С конца 1920-х гг. государственные органы РСФСР на Дальнем Востоке постепенно приступили к ограничению роли иммигрантов в развитии хозяйства страны, в том числе и Дальнего Востока. Данное решение было принято в связи с обострением международной обстановки на Дальнем Востоке. С другой стороны, в 20-е гг. XX в. исчезла необходимость в использовании временной рабочей силы, что привело к снижению ее численности на Дальнем Востоке в сравнении с дореволюционным периодом. В период с 1922–1928 гг. число трудовых иммигрантов в регионе насчитывало около 200 тыс. чел., в том числе корейское население — более 100 тыс. чел., китайское — более 70 тыс. чел., японское — около 30,5 тыс. чел.[28] Это в два раза меньше числа иммигрантов в конце досоветского периода.

Одновременно с закрытием границ проводилась работа по очищению территории от «нежелательного» населения (в первую очередь, иностранцев) и привлечению переселенцев с европейской части России в восточные регионы[29].

В 1930-е гг. в связи с обострением советско-китайских отношений и сменой экономического и политического курса произошло значительное сокращение численности китайских рабочих. В 1937–1939 гг. китайская община на Дальнем Востоке была почти ликвидирована. Активное использование здесь труда китайцев возобновилось в конце 1980-х гг.[30]

Многие из оставшихся в СССР китайцев пострадали от репрессий сталинского периода. По данным всесоюзной переписи населения 1959 г., в Сибири и на Дальнем Востоке проживало не более 26 тыс. китайцев[31]. Корейцы, проживавшие на территории Дальнего Востока, в 1937 г. были депортированы в Казахстан и Среднюю Азию (Узбекистан, Кыргызстан). Официальное обоснование выбора обозначенных территорий было связано с высоким мастерством корейцев в рисоводстве. Корейцами, переселившимися с

Дальнего Востока в Казахстан, была организована «Корейская сельскохозяйственная трудовая артель «Казахский рис».

Несмотря на ограничительную политику, с 1945 г. иностранные рабочие из КНДР направлялись в удаленные от границы районы Дальнего Востока (северные территории Хабаровского края, Сахалинскую и Магаданскую область) и были заняты в сельском хозяйстве, лесной и рыбообрабатывающей отраслях[32].

В 1974 г. число корейских рабочих в Хабаровском крае достигло более 13 тыс. чел., основная доля которых была занята на лесозаготовительных работах. Местные граждане были недовольны самим фактом участия корейских рабочих в лесозаготовках, а также их причастностью к экономическим, экологическим и уголовным правонарушениями[33].

В целом, несмотря на привлечение иностранных рабочих в отдельные отрасли народного хозяйства Дальнего Востока, основным источником формирования демографического потенциала и трудовых ресурсов региона на данном этапе являлись различные формы внутреннего переселения[34].

Постсоветский период

Международная миграция на современном этапе существует в рамках двух потоков — трудовой и постоянной миграции.

Трудовая миграция в настоящее время является необходимым условием функционирования экономики Дальневосточного региона. Округ занимает первое место как по масштабам привлечения иностранных работников (в расчете на 1000 населения), так и по доле ИРС в численности занятых (табл. 1).

Таблица 1

Количественные показатели иностранной рабочей силы (ИРС) по федеральным округам России, 2010 г.

Регион	Численность ИРС, тыс. человек	Доля ФО от численности ИРС РФ, %	Число ИРС на 1000 жителей, человек	Доля ИРС от численности занятых, %
Российская Федерация	1640,8	100	11,5	2,4
Центральный ФО	664,9	40,5	17,3	3,6
Северо-Западный ФО	190,8	11,6	14,0	2,8
Южный ФО	99,7	6,1	7,2	1,6
Северо-Кавказский ФО	9,3	0,6	1,0	0,3
Приволжский ФО	133,5	8,1	4,5	0,9
Уральский ФО	209,3	12,8	17,3	3,4
Сибирский ФО	181,8	11,1	9,4	2,0
Дальневосточный ФО	151,6	9,2	24,0	4,6

Источник: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2011: Стат. сб. / Росстат. — М., 2011. 990 с

Распределение иностранных трудовых мигрантов по территории в разрезе субъектов ДФО в 2010 г. отражает приоритет южных субъектов округа. В целом на четыре южных субъекта ДФО (Хабаровский и Приморский край, Амурская и Сахалинская автономная области) пришлось 74,5% от общего числа трудовых мигрантов округа.

Большая часть иностранных трудовых мигрантов в рассматриваемых субъектах Дальнего Востока России занята в строительстве, сельском и лесном хозяйстве, оптовой и розничной торговле, ремонте автомобилей и т.п. [35].

Основными странами-донорами трудовых мигрантов в округе являются КНР, КНДР, Узбекистан, Украина, среди которых лидирующие позиции занимает КНР. Преобладающее использование китайской рабочей силы (40–67% от общего числа привлеченных иностранных трудовых мигрантов) в 2009–2010 гг. отмечалось в Приморском и Хабаровском краях, Амурской области. В Сахалинской области более 50% трудовых иммигрантов прибывают из стран Ближнего Зарубежья, в числе которых более 38% составляют рабочие из Кыргызстана и Узбекистана. Доля мигрантов из КНДР во всех рассматриваемых субъектах составляет 10–13%.

За период с 2005 по 2010 гг. происходит снижение доли трудовых мигрантов из стран Дальнего Зарубежья. Однако до сих пор основным поставщиком мигрантов на Дальний Восток является Китай. Максимальная доля китайцев в общей численности иностранной рабочей силы зарегистрирована в Еврейской автономной области[36] (табл. 2). В отличие от других дальневосточных субъектов в Сахалинской области в 2009 г. основной поток трудовых иммигрантов приходился на страны Ближнего Зарубежья, в том числе 25% гастарбайтеров прибыли из Киргизии (табл. 2).

Таблица 2

Распределение трудовых мигрантов из стран Дальнего Зарубежья в субъектах ДФО, %

Субъект ДФО	ДЗ, %,		В том числе Китай,		В том числе КНДР	
	2005 г.	2010 г.	2005 г.	2010 г.	2005 г.	2010 г.
Приморский край	89,6	70,0	63,0	49,3	19,1	15,9
Хабаровский край	76,9%	60,9%	38,4%	41,1	21,2	10,5
Амурская область	89,3	81,4	64,3;	67,7	24,9	13,4
Сахалинская область	84,2	47,6	5,5	8,5*	11,7	11,4
ЕАО	98,5	91,2	96,8	88,5,	1,7	2,6

Источник: составлено по данным территориальных органов статистики субъектов ДФО.

** данные 2009 г.*

На рубеже XX—XXI вв. активно обсуждается вопрос о необходимости и безопасности привлечения китайских трудовых мигрантов на Дальний Восток России.

Ряд авторов (Г.С. Витковская, Ж.А. Зайончковская, Е. Загребнов) считают, что «китайская иммиграция становится важнейшим фактором экономического подъема восточных районов страны»[37], кроме того «понятия «китайской диаспоры» на Дальнем Востоке не существует… За 15 лет существования китайского предпринимательства китайцы в России нашли свою нишу и успешно занимаются бизнесом»[38].

Другие исследователи (А.Д. Орлов, З.И. Сидоркина, Е.Л. Мотрич) полагают возможным и необходимым развитие ДВ без привлечения или при ограниченном использовании китайских рабочих.

С мнением З.И. Сидоркиной о необходимости четкого понимания Россией своих задач на Дальнем Востоке можно согласиться. Без этого не возможно взаимовыгодное партнерство в российско-китайских отношениях, будет лишь получение выгоды Китаем в одностороннем порядке[39].

Особую значимость вопрос привлечения иностранной рабочей силы приобретает в связи с принятой Стратегией национальной безопасности. В Стратегии подчеркивается, что силы обеспечения национальной безопасности во взаимодействии с институтами гражданского общества нацелены на обеспечение **баланса интересов** коренного населения и трудовых мигрантов с учетом их этнических, языковых, культурных и конфессиональных различий, включая совершенствование миграционного учета, а также на

обоснованное территориальное распределение трудовых мигрантов, исходя из потребностей регионов в трудовых ресурсах[40]

Очевидны две основные причины миграции китайцев на север: демографическое давление и безработица на северо-востоке КНР, с одной стороны, и возможность быстро заработать на бизнесе с Россией и в России — с другой. При этом вторая причина является более важной[41].

Приоритет экономических интересов в миграции китайцев в Россию отмечался и ранее. Так, И. Левитов на рубеже XIX—XX вв. указывал, что «единственная забота всякого китайца — это скопить небольшую сумму денег и золота и возвратиться домой; для этого они готовы производить любую работу на каком угодно поприще, не гнушаясь ничем»[42].

Однако, спустя более ста лет прослеживается стремление китайцев в перспективе закрепиться за пределами своей страны. В.Г. Гельбрас высказывает мнение, что нельзя создавать компактных поселений китайцев. При использовании труда китайцев-гастарбайтеров необходимо включать их небольшими группами в русскоязычные коллективы.

Кроме того, по его мнению, основная проблема Сибири и Дальнего Востока состоит в том, что экономический подъем не является повсеместным. Будучи анклавным явлением, экономическое оживление способствует привлечению гастарбайтеров только в отдельные отрасли хозяйства и в отдельные районы. Их труд пока незначительно влияет на общую экономическую обстановку. Привлечение китайцев к выполнению контрактных работ, как правило, происходит в ограниченных масштабах. Принято считать, что их привлекают главным образом в строительство и в сельское хозяйство. В последние годы ситуация стала меняться. Рынок стал захватывать крупный и средний капитал, действующий при поддержке китайских властей. Большая часть китайцев, работающих на рынках, стали превращаться в наемных работников, агентов или доверенных лиц торгово-промышленных компаний Китая. Формальное отличие таких наемных рабочих от гастарбайтеров в том, что их хозяин находится по другую сторону границы[43]. Кроме того, подтверждением намерений китайских граждан закрепиться на российской территории может служить увеличение числа китайцев, арендующих и приобретающих жилплощадь в российских регионах.[44] Не менее острым в настоящее время является вопрос конкуренции местного населения и иностранных рабочих на российском рынке труда. В целом мы согласны с мнением Е.Л. Мотрич о том, что китайские трудовые мигранты практически не конкурируют с резидентами региона. Несмотря на безработицу, местное население не стремится занять те свободные ниши, где требуется выполнять неквалифицированную, грязную и низко оплачиваемую работу[45].

В то же время конкуренция с местным населением существует преимущественно в тех отраслях, где велика доля недокументированной занятости. К этим сферам относятся строительство и рыночная торговля[46]. В работе А.Г. Ларина[47] подчеркивается, что нездоровая конкуренция между коренным населением и китайскими мигрантами возникает там, где китайские рабочие-иммигранты работают за низкую заработную плату, что в значительной мере связано с нелегальной формой их трудоустройства.

Вопрос оценки и учета нелегальной миграции является одним из наиболее актуальных в изучении масштабов трудовой миграции и разработки подходов к ее регулированию.

Ввиду невозможности точного учета нелегальных мигрантов данные об их численности на Дальнем Востоке в большинстве случаев имеют экспертный характер. По мнению некоторых экспертов, на одного оформленного мигранта приходится 10 нелегальных.[48] Другие исследователи считают, что «…в ряде регионов китайцы составляют от четверти до половины реального населения»[49], «одну треть населения г. Уссурийска составляют китайцы и корейцы китайского происхождения»[50]. Более скромная оценка численности нелегальных китайских мигрантов на Дальнем Востоке составляет 200 тыс. чел.[51]

Широко распространено мнение, что необходимость привлечения трудовых мигрантов обусловлена нехваткой местной рабочей силы. Мы согласны с мнением А.Д. Ор-

лова о том, что «нехватка трудовых ресурсов в той или иной сфере… это вопрос структуры экономики и эффективности системы общественного разделения труда»[52]. Необходимо модернизировать производство, тем самым снижая потребность в трудовых ресурсах и повышая производительность труда. Особенно актуальным данное направление является для Дальнего Востока России, где при устойчивой убыли населения предлагаются инвестиционные проекты по освоению природных ресурсов региона.

Отсутствие системного подхода в социально-экономическом развитии Дальнего Востока России, в том числе в привлечении трудовых мигрантов, приводит к убыткам. Убытки несут не предприниматели, которые продают ресурсы (металл, лес, рыбу) или используют труд нелегальных мигрантов, а государство[53]. На современном этапе необходимо концентрировать усилия на установлении двусторонних отношений, реализация которых приведет к позитивным результатам для обеих сторон.

Роль трудовых мигрантов из других стран Дальнего Зарубежья (КНДР, Республики Кореи, Японии) в экономике Дальнего Востока России на данном этапе менее значима, чем прежде. Корейцы заняты преимущественно в лесозаготовительной промышленности.

Постоянная миграция

В числе мигрантов, имеющих разрешение на временное проживание или вид на жительство растет число лиц из стран СНГ при постепенном сокращении выходцев из стран Дальнего Зарубежья. Данная динамика, на наш взгляд, обусловлена не только увеличением числа непосредственно прибывших на Дальний Восток, но и изменением правил учета мигрантов, прибывающих в Российскую Федерацию в порядке, не требующем получения визы.

После распада СССР первый закон, регулирующий условия прибытия иностранных граждан в страну, был принят 15 августа 1996 г. (№ 114-ФЗ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию). Условия проживания иностранных граждан на территории России были регламентированы в Федеральном Законе № 115 от 25 июля 2002 г. О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации, в рамках которого разъяснялись условия получения разрешения на временное проживание, а также получения вида на жительство. В этом же Законе прописаны основания для выдачи РВП и вида на жительство в рамках установленных Правительством РФ квот, а также введено понятие миграционной карты, использование которой дает возможность вести учет иностранных граждан в России. Законодательная база в отношении учета, контроля и регулирования международной миграции модернизируется и улучшается и в настоящее время.

По данным статистики с 2007 г. отмечается рост числа иностранных граждан, прибывших на ДВ на постоянное место жительства (получивших РВП или вид на жительство) (рис. 1).

В значительной мере данный рост объясняется «легализацией» представителей СНГ, проживавших на территории России на незаконных основаниях. Официальная регистрация данной части иностранных граждан связана с введением упрощенного порядка их трудоустройства, а также усилением ответственности за нарушения порядка привлечения к трудовой деятельности в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства (Федеральные Законы РФ № 115-ФЗ от 25.07.2002, № 109-ФЗ от 18.07.2006, № 110-ФЗ от 18.07.2006, № 189-ФЗ от 05.10.2006). С 2007 г. ужесточились условия ответственности за нарушение миграционного законодательства как в отношении иностранных граждан, так и граждан РФ, являющихся принимающей стороной, либо нанимающих иностранных граждан на работу. В частности, за нарушение правил въезда, пребывания, миграционного учета, уклонение от выезда, несоответствие заявленной цели въезда в РФ, за осуществление трудовой деятельности в РФ без разрешения на работу иностранным гражданам грозит наложение административного штрафа в размере от 2 до 5 тыс. руб. с админист-

ративным выдворением за пределы РФ или без такового (ст. 18.10 КоАП РФ). Незаконное привлечение к трудовой деятельности иностранного гражданина при отсутствии у него разрешения на работу является основанием для привлечения российского работодателя к административной ответственности от 2 до 5 тыс. руб. для граждан, от 25 до 50 тыс. руб. для должностных лиц и от 250 до 800 тыс. руб. (либо административное приостановление деятельности на срок до девяноста суток) для юридических лиц (ч. 1 ст.18.15 КоАП РФ).

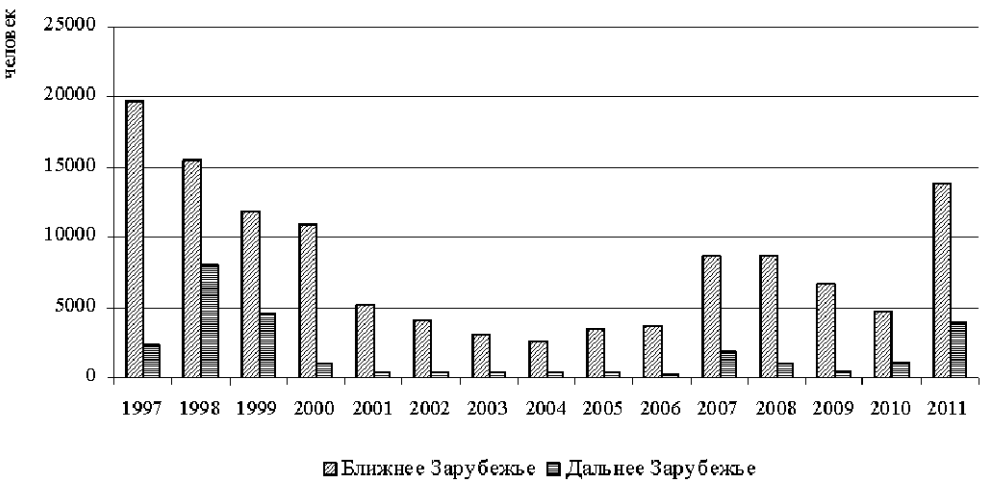

Рис. 1. Динамика прибывших мигрантов на ДВ, человек

Источник: составлено по данным gks.ru

В 2011 г. вновь зарегистрировано увеличение числа иммигрантов на ДВ почти в 3 раза по сравнению с 2010 г. В этот период резкое изменение числа иммигрантов, на наш взгляд, также объясняется изменениями в законодательстве. Изменения касаются статистики долгосрочной миграции, а именно: с 2011 г. в качестве долгосрочных мигрантов стали учитывать лиц, зарегистрированных по месту пребывания на срок 9 месяцев и более (ранее этот срок составлял год и более).

Таким образом, в течение 20 лет после распада СССР в России происходит формирование законодательной базы учета и регулирования миграционных процессов. Наиболее точный и обоснованный учет иностранных граждан, въезжающих на территорию РФ, ведется с 2004 г.

Для Дальнего Востока характерно увеличение числа мигрантов, прибывающих из стран СНГ с целью получения РВП и вида на жительство. В настоящее время масштабы миграционных потоков не сопоставимы с числом мигрантов в западных регионах страны, однако проблемы, возникающие при увеличении иммиграционных потоков, характерны для всех субъектов России. Речь идет о снижении доли мигрантов, знающих русский язык. По данным Центра миграционных исследований, если «пять лет назад группа респондентов, не владеющих русским языком, составляла 3% (речь идет о мигрантах из СНГ), то сейчас она расширилась до 15–20%»[54]. Кроме того, крайне важно уделять внимание квалификации и навыкам мигрантов, привлекать мигрантов в те сферы, развитие которых необходимо в принимающем регионе.

В настоящее время доля иммигрантов из Китая и КНДР в рамках стационарной миграции незначительна. В 2010 г. миграционный баланс ДВ России со странами Даль-

него Зарубежья составил 107 чел., в то же время со странами Ближнего Зарубежья соответствующий показатель составил около 2900 чел.

По данным Всероссийской переписи населения 2002 г. максимальная численность граждан России — корейцев отмечается в Сахалинской области (около 30 тыс. чел.), их доля от общей численности населения области составляет 5,4%, что является максимальным показателем среди дальневосточных субъектов. По числу проживающих китайцев среди регионов Дальнего Востока лидирует Хабаровский край, при этом их доля составляет 0,3% от общей численности населения края. На наш взгляд, при анализе национальной структуры населения регионов необходимо учитывать существующую нелегальную миграцию (в большей мере — китайскую). Однако, даже учитывая проживающих здесь нелегальных мигрантов, число китайцев не столь велико, чтобы говорить о демографической экспансии.

В то же время остается открытым вопрос косвенного влияния данного процесса на территорию Дальнего Востока. Необходимо учитывать влияние деятельности мигрантов на экологическое состояние территорий, степень зависимости российских регионов от объема производимой иностранными мигрантами продукции и др. Иными словами, при отсутствии демографической экспансии Дальнего Востока России со стороны зарубежных соседних стран, необходимо уделять внимание оценке его экономической и экологической безопасности.

Современная экономическая ситуация вызывает необходимость привлечения трудовых мигрантов, однако, нужно учитывать особенности подходов к реализации программ развития китайской и российской сторон. Мы придерживаемся точки зрения акад. П.А. Минакира подчеркивающего, что переход к новому этапу экономического развития Дальнего Востока неизбежен. При всей важности и полезности использования открывающихся при этом перспектив следует учитывать, что философия и содержание китайских и российских программ территориального развития разные. Китайские подходы и действия отличаются большей предметностью, конкретностью и системностью. Кроме того, ориентируясь на привлечение иностранной рабочей силы, следует обеспечить бесспорные социальные преимущества на рынке труда для населения самого Дальнего Востока[55]. В то же время необходимо помнить, что нелегальная трудовая иммиграция вносит решающий вклад в культивирование теневого сектора российской экономики, создание неконтролируемого рынка товаров и услуг, а также обслуживающего его теневого денежного обращения.

Выводы

Изучение динамики привлечения иностранной рабочей силы на Дальнем Востоке России за период с 1860-х гг. по 2010 гг. позволяет сделать следующие выводы. Особенности привлечения трудовых мигрантов в российские регионы ДВ отражают в большей степени экономический характер миграции и не могут рассматриваться как элемент демографической экспансии. Кроме того, в связи с утерей независимости Кореей в начале XX в. эмиграция корейцев из родной страны принимала ярко выраженный политический характер.

Миграционные процессы в рамках трех рассматриваемых нами этапов (дореволюционный, советский, постсоветский) имеют схожие черты и различия.

1. Нельзя сказать, что на современном этапе фиксируется максимальное число трудовых мигрантов за весь рассматриваемый период освоения Дальнего Востока России. На рубеже первого и второго этапов общее число иностранных работников составляло около 400 тыс. чел., в том числе 350 тыс. чел. — китайских мигрантов, корейцев — около 40 тыс. чел., японцев — 4,5 тыс. чел., к концу 1920-х гг. (советский этап) общая численность иностранных работников в российских регионах составляла около 200 тыс.

человек. В 2010 г. численность иностранцев, легально работающих на ДВ России, составила 151,6 тыс. чел.

На современном этапе происходит восстановление искусственно нарушенного в советский период взаимодействия приграничных регионов России и Китая. Использование труда иностранных работников не является новым явлением для Дальнего Востока, однако, в отличие от досоветского периода, в последние два десятилетия северо-восточные территории Китая интенсивно развиваются. Что особенно заметно на фоне негативных тенденций в социально-экономической сфере российских регионов.

2. В настоящее время, так же, как и в начале XX в., растет озабоченность общественности возрастающей зависимостью отдельных отраслей хозяйства Дальнего Востока от иностранных рабочих. С усилением экономики Китая в целом и его роли в социально-экономических процессах на российском Дальнем Востоке остается актуальным вопрос «китайской угрозы».

Первый и третий этап характеризуются более свободными условиями въезда и занятости иностранными рабочими на территории Дальнего Востока. При этом, в первом десятилетии XX в. формируются правительственные и общественные опасения относительно большой численности трудовых мигрантов и их возрастающей роли в развитии экономики региона. В советский период обострение политической ситуации ограничило число привлекаемых иностранных работников в СССР, что стало продолжением реализуемого в предыдущем периоде курса на ограничение использования иностранной рабочей силы. На современном этапе происходит либерализация международных отношений, в том числе и динамики трудовой миграции.

3. Спустя более ста лет проблемы в законодательном регулировании и учете международных миграционных процессов остаются. Недостаточный уровень законодательного регулирования российско-китайских отношений (на первом и третьем этапе) позволяет бизнесу использовать труд нелегальных мигрантов, что оказывает негативное влияние на социально-экономическое развитие российских территорий. Кроме того, нередки случаи нарушения трудовыми мигрантами экологических норм эксплуатации природных ресурсов (земельных, лесных, водных) Дальнего Востока, что приводит к негативным экологическим последствиям.

4. На первом и втором этапе массово прибывали чернорабочие, которые были заняты в различных отраслях промышленности, торговле и услугах, на третьем этапе при сохранении занятости трудовых мигрантов в рабочих специальностях (в строительстве, сельском хозяйстве) формируется еще один класс — коммерсанты (китайские), которые успешно организуют бизнес на территории российских регионов, привлекая для его развития как трудовые, так и финансовые ресурсы из Китая.

В то же время необходимо отметить, что на протяжении всех рассматриваемых этапов трудовые мигранты, в большинстве случаев, характеризовались трудолюбием, исполнительностью, целеустремленностью и организованностью. Данные качества позволили им удержаться и закрепиться на российском Дальнем Востоке. На наш взгляд, именно целеустремленность и системность в использовании возможностей российского Дальнего Востока со стороны иностранных работников-китайцев (в настоящее время не только работников, но и бизнесменов) создает определенный негативный оттенок российско-китайских отношений.

5. В перспективе, на наш взгляд, необходимо формирование обоснованной стратегии миграционной политики на Дальнем Востоке России, реализация которой позволит российской стороне выступать достойным партнером Китая в развитии двусторонних отношений.

В заключение приведем мнение П.А. Бадмаева[56], который еще в XIX в. подчеркивал необходимость укрепления положения российского Дальнего Востока, в первую очередь путем развития нашей территории. Он говорил, что Россия «не должна давать

случая застать себя врасплох, чтобы не поплатиться за оплошность весьма дорогой ценой.…Не одно снабжение наших восточных окраин вооруженными силами является теперь потребностью минуты. Мы должны начать энергичное применение торговой политики, взять в свои руки как можно больше рынков… на всем монголо-тибето-китайском Востоке, чтобы таким путем достигнуть торгово-экономического сближения с Китаем со сравнительно меньшими денежными затратами».

---

1. *Воскресенский А.Д.* Россия и Китай: теория и практика межгосударственных отношений. М.: Моск. обществ. науч. фонд; ООО «Изд. центр науч. и учеб. программ», 1999. С. 52.
2. *Елисеев А.В.* Отчет о поездке на Дальний Восток. Читано в общем собрании И.Р.Г.О. 2 мая 1890 г. С. 12–13.
3. *Залеская О.В.* Китайские мигранты на Дальнем Востоке России (1917–1938 гг.). Владивосток, 2009. С. 14.
4. *Аносов А.В.* Миграционная компонента развития Дальнего Востока России. М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. С. 24.
5. *Елисеев А.В.* Указ. соч. С. 8.
6. Там же. С. 15.
7. Там же. С. 9.
8. *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 14.
9. *Татценко К.В.* Тенденции экономического взаимодействия Дальнего Востока России и Северо-Востока Китая. Владивосток: Дальнаука, 2006. 216 с.
10. *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 18.
11. *Елисеев А.В*. Указ. соч. С. 11.
12. *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 15.
13. Там же. С. 16–17.
14. *Татценко К.В.* Указ. соч. С. 32.
15. *Левитов И.* Желтая раса. СПб., 1900. 49 с.
16. *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 18.
17. *Алексеев А.И., Морозов Б.Н.* Освоение русского Дальнего Востока (конец XIX в. — 1917 г.). М.: Наука. Гл. ред. вост. лит., 1989. С. 93.
18. *Ларин А.Г.* Китайские мигранты в России. История и современность. М.: Вост. кн., 2009. 512 с. В результате принятия нового порядка организации переселения, установленного законом от 1 июня 1882 г., общая численность русского населения Приморской области увеличилась с 8385 чел. в 1882 г. до 66 320 чел. в 1902 г.
19. *Залеская О.В.* Указ. соч. С. 19.
20. Там же. С. 20.
21. *Ларин А.Г.* Указ. соч.
22. *Ланцова Ю.Н.* Китайские и корейские рабочие в Забайкальской области (1860–1917 гг.): автореф. дис.… канд. истор. наук. Улан-Уде, 2009. 23 с.; *Ким Г.* История иммиграции корейцев. Кн. 1. Вторая половина XIX в. — 1945 г. Алматы: Дайк-пресс, 1999. 424 с. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/kkk4.shtml (дата обращения — 20.03.2012).
23. *Аносов А.В.* Миграционная компонента развития Дальнего Востока России: М.: Изд.-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. С. 21.
24. *Ким Г.* История иммиграции корейцев…
25. *Аносов А.В.* Указ. соч. С. 22.
26. *Ким Г.* Указ. соч.
27. Там же.
28. *Свидерская В.В.* Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е гг. XX в.). Владивосток, 2008. 163 с.
29. *Друзяка А.В.* Исторический опыт государственного регулирования внешней миграции на юге Дальнего Востока России (1858–2008 гг.). Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2010. С. 64–65.
30. *Дацышен В.Г.* Гастарбайтеры на востоке России: масштабы явления, перспективы и проблемы // Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. мате-

риалов международ. исслед. семинара / под. ред. В.И. Дятлова. М.; Иркутск: Наталис, 2004. С. 49–61.
31. *Свидерская В.В.* Демографическая политика Советского государства на Дальнем Востоке (60–80-е гг. XX в.). Владивосток, 2008. 163 с.
32. *Друзяка А.В.* Указ. соч. С. 68.
33. *Крушанова Л.А.* Иностранная рабочая сила в лесной промышленности СССР в 1967–1970-е гг. // Девятая Дальневосточная конференция молодых ученых: сб. материалов / науч. ред. В.Л. Ларин. Владивосток: ДВО РАН, 2006. С. 105–112.
34. Друзяка А.В. Указ. соч. С. 70.
35. Миграция населения Приморского края. Стат. бюл. с аналит. запиской / Приморскстат. 2011. 84 с.; Труд и занятость в Сахалинской области (2005–2009 гг.). Стат. сб. Южно-Сахалинск. 126 с. Труд и занятость в Хабаровском крае: Стат. сб. / Хабаровскстат: Хабаровск, 2011. 156 с.; Амурский статистический ежегодник. 2011: Стат. сб. / Амурстат. Благовещенск, 2011. 546 с.
36. *Мищук С.Н., Хавинсон М.Ю., Кулаков М.П.* Иностранная рабочая сила на рынке труда Еврейской автономной области: анализ и прогноз // Пробл. Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 110–116.
37. *Витковская Г., Зайончковская Ж.* Новая столыпинская политика на Дальнем Востоке России: надежды и реалии. URL: http://www.archipelag.ru/ru_mir/ostrov-rus/far-east/hope/?version=forprint (дата обращения — 30.04.2012).
38. *Загребнов Е.* Экономическая организация китайской миграции на российский Дальний Восток после распада СССР // ДемоскопWeekly. № 315–316. 1–20 янв. 2008 г. URL: http://demoscope.ru/weekly/2008/0315/analit05.php.
39. *Сидоркина З.И.* Иммиграция в демографическом развитии Дальнего Востока. Владивосток: Дальнаука, 2007. С. 30. Препр.
40. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. URL: http://archive.kremlin.ru/text/docs/2009/05/216229.shtml (дата обращения 30.04.2009).
41. *Гун Лян Хуа.* Глобализация — доминирующий фактор международной трудовой миграции. М.: МАКС Пресс, 2008. 88 с.
42. *Левитов И.* Указ. соч.
43. *Гельбрас В.Г.* Китайская миграция: мифы и реальность // Мост через Амур. Внешние миграции и мигранты в Сибири и на Дальнем Востоке: Сб. материалов международ. исслед. семинара / под. ред. В.И. Дятлова. М.; Иркутск: Наталис, 2004. С. 25–34.
44. *Сидоркина З.И.* Указ. соч. С. 24.
45. *Мотрич Е.Л.* Миграция как фактор развития Дальнего Востока. URL: http://www.migrocenter.ru/publ/konfer/ekaterinburg/m_ekaterinburg07.php (дата обращения — 12.04.2012).
46. *Тарасова Е.В.* Миграционные процессы в Алтайском крае и задачи региональной политики // Национальная идентичность России и демографический кризис: Материал II Всерос. науч. конф. (15 нояб. 2007 г.). М.: Науч. эксперт, 2008. С. 296.
47. *Ларин А.Г.* Указ. соч. 512 с.
48. *Сидоркина З.И.* Указ. соч. С. 23.
49. *Гильбо Е.* Перспективы китаизации России. URL: http://www.xpomo.com/ruskolan/liter/china.htm (дата обращения — 20.02.2012).
50. *Рождественский А.* Будет ли Дальний Восток китайским? КНР продолжает мирную «экспансию на Север». URL: http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1213967580 (дата обращения — 30.05.2012).
51. *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 150.
52. *Орлов А.Д.* Гипериммиграция: миф о «нехватке рабочих рук»» и объективные принципы выбора миграционно-демографической стратегии РФ // Национальная идентичность России и демографический кризис: Материалы II Всерос. науч. конф. (15 нояб. 2007 г.). М.: Науч. эксперт, 2008. С. 197.
53. *Ларин А.Г.* Указ. соч. С. 422.
54. Моя твоя не понимай. URL: http://www.rosbalt.ru/moscow/2010/12/03/796657.html.
55. *Минакир П.А.* Россия — Китай на Дальнем Востоке: мнимые страхи и реальные угрозы // Пространственная экономика. 2009. № 3(19). С. 7–19.
56. *Бадмаев П.А.* К вопросу о политико-экономическом влиянии. Изд. 3-е. М.: Изд- ЛКИ, 2011. 106 с. С. 73–74. (Из наследия мировой политики).